

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-119-138

Е. В. Романов¹

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В результате размывания границ между правой (неолиберальной) и левой идеологиями в странах коллективного Запада левое движение, традиционно защищавшее интересы эксплуатируемых, перестаёт быть выразителем их интересов. Под влиянием неолиберальных идей мейнстримом леволиберального дискурса становятся проблемы идентичности, борьбы с расизмом, сексизмом и гомофобией. Поскольку в основании российских экономических реформ достаточно долго лежали неолиберальные идеи, признаваемый за рубежом кризис неолиберализма актуализирует поиск новых оснований стратегии экономического развития России. Таким основанием должны стать традиционные российские духовно-нравственные ценности, а ведущим императивом – социализация экономики. Закреплённый в Конституции России принцип социальной солидарности (солидаризм) согласуется с традиционными духовно-нравственными ценностями: приоритет духовного над материальным, коллективизм, гуманизм, справедливость, единство народов России, историческая память и преемственность поколений. Идеология социально-экономического развития страны должна строиться на их основе. Описана специфика «нового российского нэпа».

Ключевые слова: неолиберализм, традиционные духовно-нравственные ценности, императив стратегии развития, идеология модернизации.

УДК 304.4: 338.2

Введение

На современном этапе социально-экономического развития в идеологической сфере ведущих западных стран происходит размывание границ между правой идеологией, ориентированной на защиту интересов союза капиталистического класса с классом менеджеров (его верхушкой), и левой, предполагающей защиту интересов эксплуатируемых. S. Schleusener [1] доказывает, что современные левые, которых он называет *культурными левыми* (cultural left), не являются выразителями интересов американского рабочего класса. Левая политика из классового движения, критикующего эксплуатацию, экономическое неравенство и общую коммерциализацию социальной жизни, превратилась в направление, продвигающее мультикультуралистскую «политику признания» (politics of recognition), ориентированную на проблему идентичности, борьбу с расизмом, сексизмом и гомофобией – эти вопросы «составляют мейнстрим леволиберального дискурса» [1, с. 27] (здесь и далее перевод мой – Е. Р.). Кризис неолиберализ-

¹ Евгений Валентинович Романов, профессор кафедры менеджмента Магнитогорского государственного технического университета имени Г. И. Носова (455000, РФ, Магнитогорск, пр. Ленина, д. 24), д-р пед. наук, профессор, e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

ма [2] актуализирует поиск новых оснований стратегии экономического развития России, поскольку на достаточно протяжённом историческом промежутке времени неолиберальные идеи составляли фундамент экономических реформ. В Концепции внешней политики Российской Федерации² нейтрализация «попыток навязывания псевдогуманистических и иных неолиберальных идеологических установок...» (выделено здесь и далее мной – Е. Р.) рассматривается как один из способов устранения «рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах» – по сути, неолиберализм на официальном уровне признан *вредной* идеологией.

Наша цель – обоснование методологических оснований и императивов стратегии экономического развития с учётом особенностей современного этапа развития России.

О сущности современного неолиберализма

Глубокий анализ сущности неолиберализма представил Уильям Дэвис в статье «Новый неолиберализм» [3].

Он указал, что неолиберализм формировался как политическая идентичность на основе противопоставления социализму (в образе «необходимого врага»). Не случайно один из отцов неолиберализма Ф. фон Хайек в книге «Дорога к рабству» (впервые опубликована в марте 1944 г.) объясняет, что нацизм и социализм – родственные течения: «“Третий Рейх”... обещал принести немцам социализм, приспособленный к характеру германской нации и очищенный от западных либеральных идей. Так оно, собственно, и случилось» [4, с. 177].

У. Дэвис выделил в неолиберализме три стадии [3, с. 125–130]:

1. *Воинственный неолиберализм* (combative neoliberalism), 1979–1989 гг., который «в прикладной форме включал в себя ряд тактик, направленных на подрыв возможности социализма» (антирабочее законодательство и борьба с профсоюзами).

2. *Нормативный неолиберализм* (normative neoliberalism), 1989–2008 гг. На этом этапе «все сферы человеческой деятельности должны быть перестроены в соответствии со стандартами конкуренции... Задача правительства – обеспечить четкое отличие “победителей” от “проигравших”».

3. *Карательный неолиберализм* (punitive neoliberalism), с 2008 г., для которого характерно увеличение государственного долга. Соответственно «экономическая зависимость и моральная несостоятельность» правительств, обусловленные неэффективностью проводимой политики, выражаются в «обрушении насилия» на собственное население.

В более поздней работе У. Дэвис сформулировал отличия неолиберализма от традиционного либерализма [5]:

а) допускается вмешательство государства в экономику, например, при попытках регулирования потоков рабочей силы для достижения определённых стратегических экономических целей;

б) отказ от либеральной концепции разделения политической и экономической сфер жизни. Все сферы человеческого поведения рассматриваются как экономические: политические и культурные пространства переделываются по примеру рынка. Квази-приватизация может происходить через введение псевдорынков в образовании, здравоохранении, искусстве и т. д.;

² Указ Президента России от 31.03.2023 г. № 229 «О концепции внешней политики Российской Федерации». URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 10.05.2023).

в) конкуренция рассматривается как решающая и наиболее ценная черта капитализма: она позволяет различать, кто и что является ценным.

Для понимания генезиса неоллиберализма мы расположили публикации, раскрывающие его сущность, в хронологической последовательности (табл. 1). Видно, что сущностные характеристики относятся в основном к нормативной стадии неоллиберализма: рыночные отношения, включая создание квази- (псевдо) рынков в образовании, здравоохранении, культуре и т. д.; конкуренция как определяющая характеристика человеческих отношений и «инструмент» для определения ценности.

Таблица 1

Сущностные характеристики неоллиберализма

Автор, год	Сущность феномена
Larner, 2000 [6]	Новые формы политико-экономического управления, основанные на расширении рыночных отношений
Brenner, Theodore, 2002 [7]	Стержнем неоллиберальной идеологии является убеждение в том, что открытые, конкурентные и нерегулируемые рынки, свободные от всех форм государственного вмешательства, являются оптимальным механизмом экономического развития
McCarthy, Prudham, 2004 [8]	Сложная совокупность идеологических обязательств (ideological commitments), дискурсивных представлений (discursive representations) и институциональных практик (institutional practices), которые распространяются специфическими классовыми союзами (class alliances)
Duménil, Lévy, 2011 [2]	Социальный порядок, направленный на получение дохода для высших слоёв населения, а не на инвестиции в производство и тем более не на социальный прогресс
Jessop, 2012 [9]	Политический проект..., направленный на расширение конкурентных рыночных сил, укрепление благоприятной для рынка конституции и продвижение индивидуальной свободы
Ramey, 2015 [10]	Неоллиберальный мандат рассматривается как навязывание рынков и рыночных процессов производства и потребления все большей социальной реальности до тех пор, пока вся жизнь не будет включена в погоню за прибылью... Неоллиберализм – ...это тотальный взгляд на реальность как на обусловленную рыночными силами и на людей – как на неотъемлемую часть этой реальности
Monbiot, 2016 [11]	Рассматривает конкуренцию как определяющую характеристику человеческих отношений..., утверждает, что “рынок” приносит выгоды, которых невозможно достичь с помощью планирования... Организация труда и ведение коллективных переговоров с профсоюзами представляются рыночными перекосами, препятствующими формированию естественной иерархии победителей и проигравших
Santone, 2019 [12]	Мировоззрение, основанное на принципах свободного рынка, ограниченного государственного вмешательства, меритократии и личной ответственности

В работе [13] подчёркивается, что неоллиберальные преобразования были направлены на изменение баланса классовых сил в пользу капитала. Такая перестройка привела к «принудительной конкуренции» (coercive competition) во всех странах мира. Проекты неоллиберального управления предусматривали существенное «сокращение

государственных финансовых и административных ресурсов и функций» [8]. Кейнсианские нарративы о социальном обеспечении и государстве всеобщего благосостояния уступили место неолиберальному реваншизму [14, 15]³.

Как отмечено в работе [16, р. 7], «“социальное государство” уступает место “содействующему государству”, которое предоставляет индивидам знания, полномочия и свободы, чтобы заботиться о себе». Таким образом, в этой новой системе убеждений государство «больше не может (и не должно) нести ответственность за обеспечение всех потребностей общества в безопасности, здравоохранении и т. д.». По мнению авторов, в рамках неолиберальной формы правления на смену пассивному гражданину приходит активный – как «активный предприниматель самого себя» [16, р. 8]. По нашему мнению, как только государство обращается к гражданам с лозунгом «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», начинается карательная стадия неолиберализма.

В работе [2] доказывается, что кризис неолиберализма предопределён тем, что его цели становятся «**несовместимы с поддержанием гегемонии США или, что более строго, несовместимы с решимостью замедлить ее упадок**» [2, р. 327]. Соответственно меры, предлагаемые авторами: а) управление, нацеленное на внутренние инвестиции, а не на фондовый рынок и доход от капитала; б) введение ограничений на свободную торговлю и свободное перемещение капитала; в) надлежащее регулирование финансового сектора, обслуживающего нефинансовую экономику – нацелены на восстановление ситуации в экономике США и глобального доминирования.

Кризис неолиберализма отражает наступление его третьей стадии – карательного неолиберализма [3, р. 130]. Наблюдаемая в США дискуссия относительно дефолта, очевидно, закончится увеличением порога госдолга, **сокращением социальных расходов** при сохранении (а скорее – увеличении) расходов военно-промышленного комплекса. Весь мир заинтересован в том, чтобы назревающий гражданский конфликт в США был купирован в границах этой страны.

«Гуманитарный расцвет» неолиберализма знаменует провозглашение президентом США Д. Байденом 31 марта 2023 г. «Днём видимости трансгендеров» (Transgender Day of Visibility)⁴. В заявлении, размещённом на сайте Белого дома, в частности, указано: «трансгендерные американцы формируют душу нашей нации». Парадокс в том, что, провозглашая «гендера» солью нации, для него искусственно формируют конкурентные преимущества. Это противоречит самой идее меритократии в неолиберализме, когда руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от социального происхождения и финансового достатка; это противоречит и идеям конкуренции, которая должна способствовать установлению естественной иерархии победителей и проигравших.

³ Несмотря на то, что в данных публикациях рассматривались проблемы урбанизации: «Реваншистский город ... – это место, где воспроизводство социальных отношений пошло ошеломляюще неправильно» [14, р. 207], эти исследования вполне применимы к рассматриваемой проблеме. По отношению к кейнсианству «неолиберальный реваншизм» состоит в реализации политики, в которой «воспроизводство социальных отношений пошло ошеломляюще неправильно».

⁴ A Proclamation on Transgender Day of Visibility. The White House, March 30, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/03/30/a-proclamation-on-transgender-day-of-visibility/> (accessed: 10.05.2023).

Традиционные духовно-нравственные ценности России как методологическое основание стратегии экономического развития

Впервые традиционные российские духовно-нравственные ценности были сформулированы в Стратегии национальной безопасности⁵: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся прежде всего жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». В ноябре 2022 г. был опубликован Указ № 809⁶, в котором из данной формулировки было исключено словосочетание «прежде всего», поскольку его наличие предполагало, что ценностный ряд может быть дополнен. При этом подчёркивается особая роль православия в становлении и укреплении традиционных ценностей. Важным является следующий тезис: «Осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность». **Таким образом, любые новации в экономической, образовательной и других сферах следует рассматривать через призму традиционных ценностей: в какой степени предполагаемые изменения способствуют их сохранению и защите.**

В разделе, посвящённом анализу оценки ситуации, основных угроз и рисков для традиционных ценностей и сценариев развития, введено понятие деструктивной идеологии – насаждение чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей путём идеологического и психологического воздействия на граждан. Эта идеология включает в себя «культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности; отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру; разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений».

Сопоставив содержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей [17] с атрибутами деструктивной идеологии, нацеленными на их разрушение, видим, что отсутствуют антиподы ценностей, выделенных полужирным шрифтом – приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, единство народов России (табл. 2). Полужирным курсивом мы выделили ценности, воздействие на которые соответствующего атрибута деструктивной идеологии имеет ограниченный (неочевидный) характер. Например, культивировать эгоизм можно и в контексте формирования коллективистских ценностей, когда обосновывается, что извлечение личной выгоды связано с нахождением в коллективе.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 10.05.2023).

Содержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и атрибуты деструктивной идеологии

Традиционные ценности		Атрибуты деструктивной идеологии
Наименование	Содержание	
Патриотизм	Чувство любви и преданности Родине, Отечеству, своему народу, готовность служить интересам своей страны ⁷	Отрицание идеалов патриотизма
Гражданственность	Степень осознания себя гражданином своей страны и соответствующее поведение, готовность личности содействовать процветанию общества; высшее проявление гражданственности – патриотизм, ответственность за события, происходящие в стране, перед последующими поколениями	
Служение Отечеству, ответственность за его судьбу	а) Активное участие в защите Отечества от внешних и внутренних врагов, создающих угрозы и причиняющих вред соотечественникам; б) переживание личной ответственности за события, происходящие в Отечестве, и противодействие внешним и внутренним врагам Отечества	Отрицание идеалов служения Отечеству
Жизнь	Осознание жизни как главной ценности является основанием формирования человека как цельной и продуктивной личности. Жизнь – основной ресурс, составляющий «человеческий капитал»	Отрицание естественного продолжения жизни
Крепкая семья	Союз мужчины и женщины на основе чувства любви и опыта созидательной деятельности друг для друга, а также воспроизводства, воспитания и обучения детей, их дальнейшей занятости и развития	Отрицание ценностей крепкой семьи, брака, многодетности; разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений
Созидательный труд	Деятельность человека, в ходе которой создаются материальные и нематериальные блага для других людей, формирование положительных обратных связей с потребителями	Отрицание созидательного труда
Историческая память и преемственность поколений ⁸	а) Отражение и закрепление в общественном мнении событий, информация о которых передаётся из поколения в поколение через устную и письменную речь, литературу, а также с помощью работников образования, культуры, науки, искусства, кино и мюзеев;	Отрицание позитивного вклада России в мировую историю и культуру

⁷ Мы рассматриваем патриотизм как высшее проявление гражданственности (степень осознания себя гражданином своей страны и соответствующее поведение), данные феномены можно рассматривать как однопорядковые – им соответствует один атрибут деструктивной идеологии.

⁸ Отрицание позитивного вклада России в мировую историю и культуру только условно может оказывать влияние на ценность «историческая память и преемственность поколений».

Традиционные ценности		Атрибуты деструктивной идеологии
Наименование	Содержание	
	б) передача от поколения к поколению идей, идеологии, отношений, способов труда и преобразования действительности, культурного кода (привычек и типовых поступков человека), традиций, ритуалов и обычаев, знаний, умений и навыков	
Достоинство	Качества личности, которые формируются в процессе её оценки другими людьми	Культивирование вседозволенности
Права и свободы человека	а) Легитимное притязание человека на материальные и духовные блага, на получение которых он обладает правомочием; б) способность действовать в соответствии со своими интересами и целями без принуждения	
Высокие нравственные идеалы	Нравственный идеал – образец высокой духовности и моральных качеств, которым хочется подражать. Нравственность определяется соотношением запретов и разрешений, принятых в обществе. Нравственные ценности помогают регулировать отношения с другими людьми и социумом (непричинение вреда себе, окружающим и среде обитания)	Культивирование безнравственности
Коллективизм	Чувство личной ответственности за благополучие людей, с которыми человек вместе созидает	Культивирование эгоизма как поведения, определяемого стремлением к собственной пользе, выгоде
Взаимопомощь и взаимоуважение	а) Привычка человека помогать и поддерживать людей, оказавшихся в опасности, трудной жизненной ситуации; б) положительное отношение к качествам личности людей, с которыми человек взаимодействует	
Приоритет духовного над материальным	Преобладание идей, идеологий в регулировании поведения человека над материальным стимулированием этого поведения	–
Гуманизм	Нравственное чувство человека: проявляется в привычке поступать по совести по отношению к себе и другим людям; рассмотрение человека в качестве ценности (непричинение вреда другим людям)	–
Милосердие	Чувство жалости (в том числе к побеждённому врагу)	–
Справедливость	Воздаяние, соразмерное поступку	–
Единство народов России	Дружба народов страны, скреплённая общей идеологией, нравственным воспитанием и обучением, непрерывным государственным и общественным контролем уровня профессионального соответствия управленческих кадров, совместным ведением хозяйства и справедливым разделением результатов совместного труда	–

Отрицание этих ценностей через культивирование капиталократии и денежного фетишизма (а); отрицание конструктивных идей философской антропологии (в гуманистическом аспекте) и феномена альтруизма (б); лоббирование введения правовых норм, воспринимающихся обществом как несправедливые (в); и поддержку деятельности по разобщению народов России (г) не относится к проявлениям деструктивной идеологии. И это не случайно: ценности, о которых мы говорим, в большей степени относятся к нашему социалистическому прошлому – вся система образования в той или иной степени была ориентирована на их формирование. Поскольку до сих пор отсутствуют чётко сформулированные «плюсы» и «минусы» советской модели социализма, существует неопределённость в применении этого опыта в идеологической и экономической сферах.

По нашему мнению, все ценности в совокупности являются методологическим основанием, на котором должна базироваться стратегия экономического развития России (новая экономическая политика). В этой совокупности можно выделить приоритетные: коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, единство народов России, историческая память и преемственность поколений.

Ведущий императив стратегии экономического развития России

Определение роли государства в экономике (в контексте реализации регулирующей и контролирующей функций) – основной вопрос, по которому ведутся оживлённые дискуссии в экспертном сообществе. Здесь можно выделить, как минимум, три позиции.

В соответствии с первой, представленной, например, в исследовании А. К. Кудрина и Е. Т. Гурвича, следует радикально сократить нерыночный сектор, включающий «государственные и квазигосударственные компании, которые в основном руководствуются нерыночной мотивацией» [18, с. 29]. Задача снижения присутствия государства в экономике продекларирована и в Концепции среднесрочной программы развития России «Экономика роста» Столыпинского клуба⁹.

Вторая позиция представлена в исследовании С. С. Губанова, который обосновывает увеличение присутствия государства в экономике необходимостью создания (или восстановления) вертикально-интегрированных структур (как собственности, так и формы организации инфраструктурных монополий) [19, с. 39]. Это предполагает национализацию командных высот в экономике.

Третья позиция, заявленная академиком РАН А. Г. Аганбегяном, содержательно близка к точке зрения А. К. Кудрина и Е. Т. Гурвича. С одной стороны, признавая, что «в России инициатором экономического роста может быть только государство», А. Г. Аганбегян предлагает план увеличения инвестиций в основной капитал и доли вложений в экономику знаний [20, с. 15]. С другой стороны, он последовательно отстаивает необ-

⁹ В частности, доля государственного участия в уставном капитале корпоративного сектора должна уменьшиться с 50 до 30 %; доля государственного и муниципального владения землями сельскохозяйственного назначения – с 66,7 до 40 %; доля государственного и муниципального владения землями промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, землями для обеспечения космической деятельности, землями обороны, безопасности и иного специального назначения – с 98,7 до 70 % (см.: Концепция среднесрочной программы развития экономики России «Экономика роста» / Столыпинский клуб. Май 2016. URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2016/05/Prezentatsiya-kontseptsii-Ekonomika-Rosta.pdf> (дата обращения: 10.05.2023)).

ходимость сокращения доли предприятий, контролируемых государством [20, 21]. И в исследовании [22] центральной идеей является проведение коренной реформы собственности путём массовой приватизации и преобразования России в страну с преобладанием частной собственности: «На этой основе ликвидировать монополизацию отдельных отраслей и развить конкурентную среду, преобразовать фондовую биржу, создать внебанковские фонды “длинных денег”» [22, с. 328].

Таким образом, за счёт увеличения государственных инвестиций в основной капитал предприятий и доли вложений в экономику знаний обеспечиваются технологическое обновление производства и экономический рост в тех сферах, в которые бизнес не хочет или не может инвестировать. А затем эти «лакомые куски» (обновленные производства) предлагается приватизировать. При этом риски реализации такой стратегии в условиях внешних геополитических шоков никак не оцениваются.

Примечательно, что глава ВТБ А. Костин в апреле 2023 г. предложил новый этап приватизации¹⁰, мотивируя это тем, что передача госсобственности в частные руки на прозрачных и рыночных условиях – инструмент, неоднократно доказавший свою эффективность: «Отечественный бизнес накопил значительный инвестиционный потенциал. Деньги в стране есть», – пишет А. Костин в своей статье¹¹. То, что не форма собственности определяет эффективность деятельности, а качество менеджмента, – факт, неоднократно доказанный в трудах отечественных экономистов [19, 24–26].

Примечательно, что в работе академика РАН А. Д. Некипелова водораздел между либеральными экономистами и представителями академической науки лежит именно в отношении проблемы собственности: «Либеральные экономисты связывают меры по совершенствованию прав собственности, прежде всего, с ускорением процесса приватизации активов, сохраняющихся в собственности государства. С точки зрения представителей академической науки, ключевым в этой области является вопрос об устранении деформаций в системе корпоративного управления на большинстве крупных и средних российских предприятий» [27, с. 26–27].

Признание А. Костиным того факта, что «деньги в стране есть», является основанием для развития государственно-частного партнёрства, не предполагающего перехода государственной собственности в частные руки. Как мы уже отмечали, **новая экономическая политика должна строиться на основе оценки её влияния на ценностный ряд: коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, единство народов России, историческая память и преемственность поколений. Если хотя бы одна из перечисленных ценностей будет подвергаться деформации или ревизии в результате реализации каких-то предложений, то от таких предложений следует отказаться.**

Мы разделяем точку зрения А. И. Колганова с соавторами, согласно которой первым шагом к решению задачи успешного экономического развития и отхода от модели зависимого периферийного капитализма «должно стать **открытое признание тупикового характера той экономической модели, которая сложилась в России с 90-х гг. XX в.**» [28, с. 18]. Изменения, начавшиеся после 24 февраля 2022 г., «знаменуют кар-

¹⁰ Костин, А. Три ответа на один вопрос – как вернуть деньги в экономику. РБК. 11.04.2023. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/11/04/2023/6434286c9a79475768678434?from=newsfeed> / (дата обращения: 10.05.23).

¹¹ В известной степени эта позиция противоречит мнению В. Мау, который указывает, что «сейчас наблюдается низкий интерес (склонность) к частным инвестициям, и поэтому государство может и должно компенсировать этот провал» [23, с. 64].

динальную смену режима управления страной – с зависимого (колониального) на независимый (суверенный)» [29, с. 74].

Ряд авторов отмечают, что в XXI в. создаются новые предпосылки для развития социализации и продвижения по социалистической траектории, обусловленные:

а) существенными изменениями технологий и содержания труда, с одной стороны, и общественных отношений – с другой [30, с.144–145];

б) необходимостью перевода экономики на мобилизационные рельсы и создания инфраструктуры «как в виде специализированных органов власти по планированию и обеспечению экономических ресурсов, так и идеологической основы обеспечения доминирования общественных потребностей над частными (как в современном Китае)» [31, с. 35];

в) потребностью обеспечения не просто роста, а экосоциогуманитарных приоритетов в развитии страны посредством перехода «к активной промышленной политике и селективному планированию, социализации собственности, снижению социального неравенства» [32, с. 40];

г) нерешённостью социальных вопросов и необходимостью изменения структуры потребления российских домохозяйств [33, с. 85].

В исследовании Е. В. Балацкого и Н. А. Екимовой [29] предлагается пересмотреть общественный договор между властью и обществом, включив в него следующие требования: новая идеология; определение экономического строя страны; обеспечение профессиональных социальных лифтов и персональной ответственности; интеграция Банка России в общую систему государственного управления; деbüroкратизация экономики; борьба с крайними формами неравенства; прекращение неконтролируемой иммиграции; введение ответственности за политический саботаж.

Идеология стратегии экономического развития России

Разработка стратегии экономического развития (новой экономической политики) России должна учитывать два момента:

а) «общественный дискурс» – ожидания и представления людей о путях развития России;

б) «вербальные отражения» [34] идейных оснований стратегии экономического развития России – артикулированные пассионарной частью общества представления о новом нэпе.

Что касается первого пункта, в соответствии с результатами социологических исследований [35] 68 % опрошенных считают, что индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят. Большинство россиян представляет желаемое будущее страны как демократическое социальное государство с устойчивыми институтами и сохраняющейся национально-цивилизационной идентичностью. Его ценностно-смысловое ядро в виде сильной власти как гарантии порядка **сместились в сторону социальной справедливости** [36, с. 45] (выделено мной – Е. Р.). В этом контексте освобождение от капиталократии и преодоление денежного фетишизма [26, с. 103] мы рассматриваем в качестве условий формирования традиционных духовно-нравственных ценностей.

Что касается второго, мы разделяем точку зрения Е. В. Балацкого: «идейные основания и их вербальные отражения определяют потенциал соответствующего государства, народа, цивилизации и мегацивилизации... **большое количество неправильных слов повышает вероятность общей деградации цивилизации**» [34, с. 76]. В этом контексте справедливо высказывание: «бытие определяет сознание, но осознание изменяет бытие» [37, с. 141]. Осознание определяет появление «правильных» и

«неправильных» слов, разработку той или иной стратегии общественного развития для изменения бытия.

По нашему мнению, примером «неправильных» слов является точка зрения В. М. Полтеровича, который считает, что быстрый экономический рост России даёт «шанс на восстановление партнерских отношений с европейскими странами и, не исключено, – на возрождение идеи Большой Европы» [38, с. 243]. Это свидетельствует о непонимании сущности конфликта с коллективным Западом. Для России этот конфликт, принявший характер навязанной гибридной войны, имеет экзистенциальный характер – речь идёт о существовании нашей страны.

Примером «правильных» слов является обоснование С. Д. Бодруновым приоритетов современного развития России и указания на то, что идеология этого развития заложена в Конституции Российской Федерации [33, с. 86]. В соответствии со статьей 75.1: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная **солидарность**»¹².

Российский идеолог солидаризма Г. К. Гинс понимал его как «учение о государстве и обществе, этической основой которых является идея солидарности, находящая свое выражение в добровольных объединениях лиц с общими интересами и координации расходящихся интересов с государством, действующим в строгом соответствии с демократическими принципами» [39, с.118]. Согласно Окаре, солидаризм – «принцип построения социальной системы на основе солидарности её различных частей между собой, а не борьбы и не жесткой конкуренции» [40, с. 148]. «Солидаризм в новом формате – это основанный на балансе индивидуальных и общих интересов принцип построения социальной системы, в которой ее граждане обладают реальной субъектностью, равными возможностями, правом на выборы и гражданские протесты в рамках сильного социального государства» [37, с. 143].

Ключевой проблемой солидаризма является уравнивание индивидуализма личности («я») с интересом общества как целого («мы»). Сравнение сущностных характеристик капитализма и социализма, выделенных В. А. Волконским [41], показывает, что идеология солидаризма ближе к социалистической (табл. 3). Солидаризм в полной мере согласуется с российскими духовно-нравственными ценностями, которые становятся основанием идеологии.

Таблица 3

Сущность капитализма и социализма

Элемент	Реализация власти и доминирующая установка	
	Капитализм	Социализм
Реализация власти	Через накопление капитала, обеспечиваемое правами частной собственности и правилами свободного рынка	Через установление государством приоритета интересов общества над частными
Доминирующая смысловая установка	Стремление к личному обогащению	Система социальных отношений, отвечающая принципам справедливости

¹² Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 г. / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 10.05.23).

Как указывает В. А. Волконский: в «коде российской цивилизации укрепилось представление о государстве как представителе народа, ответственном за судьбы народа как целого и каждого члена общества» [41, с. 32]. По мнению исследователя, китайскую и российскую цивилизации объединяет одинаковое понимание роли государства, что можно считать важным преимуществом и основой для выработки консолидированной позиции для оценки процессов, происходящих в мире.

Признание на государственном уровне того, что в основе нового нэпа должны лежать социалистические (по сути) идеи, создаст условия для более глубокого взаимодействия с Китаем. В определённой степени препятствием для усиления взаимодействия, по нашему мнению, является восприятие правящим классом Китая России как страны-ревизиониста. Не случайно в Китае серьёзно изучают всё, что связано с развалом СССР. Распространена точка зрения, что **распад Советского Союза является результатом переворота** – следствием деградации правящей партии и смены базовой системы социализма: «неудача социализма в Советском Союзе... являлась провалом лишь советской модели, а не провалом социализма как такового», что подтверждает успех социализма с китайской спецификой, являющегося главной движущей силой мирового социалистического движения [42, с. 144].

Поскольку мы рассматриваем идеологию, на которой базируется новый нэп, в качестве антипода неолиберализма, воспользуемся подсказками относительно реализации этой политики, сформулированными в книге «Кризис неолиберализма» [2]. Эти подсказки являются своего рода антинеолиберальными рецептами для американской экономики: «Чтобы восстановить положение экономики США, необходимо ввести ограничения на перевод крупных потоков доходов в верхние слои доходной группы (the upper fractions of income brackets). Такое исправление связано не только с доходом от капитала (проценты и дивиденды), но и с высокой «избыточной оплатой труда» (surplus labor compensation), которая составляла основную часть излишков, генерируемых корпорациями» [2, р. 328–329]. Это, по сути, согласуется с идеей В. Мау о необходимости сокращения разрыва между доходами от собственности и доходами от труда [23, с. 64]. В российских условиях следует жёстко контролировать оплату труда топ-менеджмента государственных корпораций, не допуская её «избыточности».

Помимо изложенного, логичными представляются действия, которые можно взять на вооружение, скорректировав их определённым образом:

- а) стимулирование внутренних инвестиций;
- б) введение ограничений на свободную торговлю и свободное перемещение капитала – ограничение торговли стратегическим сырьём и товарами с недружественными государствами; ликвидация «бегства» капиталов и деофшоризация;
- в) интенсификация развития нефинансового сектора экономики – приоритет обрабатывающим отраслям промышленности для достижения технологического суверенитета.

Заключение

Ведущим императивом стратегии экономического развития России («нового» нэпа) является увеличение присутствия государства в экономике, которое необходимо:

- для сглаживания противоречия между общественным (государственным) и корпоративным интересом. Государство заинтересовано в рациональном использовании общественного богатства в целях более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей всех членов общества. Корпоративный интерес требует максимизации прибыли (в том числе за счёт экономии на масштабе, что обуславливает

стремление к увеличению доли рынка) без учёта того, как это влияет на общественное развитие;

- для разрешения противоречия между требованием инновационного развития российской экономики и низким спросом на инновации со стороны промышленных предприятий, что обусловлено дешёвой рабочей силой: *недооценённый «живой труд» является преградой для инновационного развития российской экономики* [24, с. 92].

Как верно указывается в исследовании академика РАН В. В. Ивантера с соавторами, «... в России должен быть принципиально повышен уровень оплаты труда, что простимулирует масштабные инвестиции в модернизацию производства с целью снижения потребности в труде» [43, с. 5].

Новая экономическая политика России по аналогии с нэпом 1920-х гг. должна предусматривать переход основных командных экономических высот в руки государства. Это означает, что создаваемый в системообразующих отраслях прибавочный продукт будет распределяться в интересах всех членов общества. Особенностью современного российского нэпа должно стать максимальное поощрение и государственное содействие частной предпринимательской инициативе при создании материальных и духовных ценностей в областях, требующих гибкости и достаточно быстрой реакции на изменения. Особое внимание следует уделить развитию молодёжного предпринимательства [44]. Опыт последнего года показывает широкие возможности малого и среднего бизнеса в создании востребованной продукции военного и гражданского назначения. В совокупности это должно создать условия для прорыва России в шестой технологический уклад: создание и освоение новых энерго-, генно-, био-, нанотехнологий, конструкционных материалов, средств вычислительной техники, работающих на новых принципах (квантовых компьютеров), и т. д.

Переосмысление советской истории показывает, что «национализация экономики, т. е. обобществление средств производства, требует обобществления средств управления, прежде всего на уровне первичных трудовых коллективов» [45, с. 174]. Это согласуется с результатами исследования А. В. Ложниковой и О. В. Куделиной [46], согласно которым для обеспечения сбалансированности государственной финансовой поддержки в долгосрочной перспективе необходимо уделять внимание организационно-правовой форме субъектов малого и среднего бизнеса, форме собственности и массовому представительству работников в качестве учредителей/совладельцев компаний.

Рассматривая солидаризм в качестве «скелета» идеологии, который будет «обрастать мясом» по мере внедрения эффективных технологий, формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей, считаем необходимым внести в нормативные документы поправки, расширяющие набор атрибутов, относящихся к деструктивной идеологии: дискредитация ценностей коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения, приоритета духовного над материальным, гуманизма, милосердия, справедливости, единства народов России, исторической памяти и преемственности поколений.

Список литературы

1. Schleusener S. (2018) Political Disconnects: Donald Trump, the Cultural Left, and the Crisis of Neoliberalism. *Coils of the Serpent*, No. 2, pp. 20–34.
2. Duménil G., Lévy D. (2011) *The Crisis of Neoliberalism*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts London, England, 391 p.
3. Davies W. (2016). The new Neoliberalism. *New Left Review*, Vol. 101, pp. 121–134.

4. Хайек, Ф. А. фон. Дорога к рабству / Ф. А. фон Хайек. – М.: Новое издательство, 2005. – 264 с.
5. Davies W. (2019). Chapter 2: What Is ‘Neo’ about Neoliberalism? In *Liberalism in Neoliberal* 1st ed.). URL: <https://goldsmithspress.pubpub.org/pub/o8rwmaje> (дата обращения: 10.05.2023).
6. Larner W. (2000) Neo-Liberalism: Policy, Ideology, Governmentality. *Studies in Political Economy*, Vol. 63, No.1, pp. 5–25. DOI:10.1080/19187033.2000.11675231.
7. Brenner N., Theodore N. (2002) Cities and the geographies of “actually existing neoliberalism”. *Antipode*, Vol. 34, No. 3, pp. 349–379.
8. McCarthy J., Prudham S. (2004) Neoliberal nature and the nature of neoliberalism. *Geoforum*, Vol. 35, pp. 275–283.
9. Jessop B. (2012). Neoliberalism. In: G. Ritzer (ed.). *The Wiley–Blackwell encyclopedia of globalization*, pp. 1513–1521.
10. Ramey J. (2015) Neoliberalism as a political theology of chance: the politics of divination. *Palgrave Commun*, No. 1, 15039. URL: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2015.39> (дата обращения: 10.05.2023).
11. Monbiot G. (2016). Neoliberalism – the ideology at the root of all our problems. *The Guardian*, Apr. 15. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/apr/15/neoliberalism-ideology-problem-george-monbiot> (дата обращения: 10.05.2023).
12. Santone S. (2019) Neoliberalism in Education: What you need to know, May 21. URL: <https://www.susansantone.com/master-blog/2019/5/21/neoliberalism-in-education-what-you-need-to-know> (дата обращения: 10.05.2023).
13. O’Conner J. (2002). From welfare rights to welfare fights: Neo-liberalism and the retrenchment of social provision. Unpublished master thesis, University of Massachusetts Amherst, Amherst, Mass., United States. URL: <https://scholarworks.umass.edu/dissertations/AAI3056266> (дата обращения: 10.05.2023).
14. Smith N. (1996). *The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City*. New York, Routledge, London. – 288 p. URL: https://rimediacoop.org/wp-content/uploads/2017/05/Neil-Smith_The_New_Urban_Frontier_Gentrification_and_the_Revanchist_City.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
15. MacLeod G. (2002) From urban entrepreneurialism to a “revanchist city”? On the spatial injustices of Glasgow’s renaissance. *Antipode*, Vol. 34, No.3, pp. 602–624.
16. Davies B. Bansel P. (2007) Neoliberalism and Education. *International Journal of Qualitative Studies in Education*, Vol. 20, No. 3, pp. 247–259. DOI:10.1080/09518390701281751.
17. Сафиоллин, А. Аз, буки, веди по жизни. Система управления государством / А. Сафиоллин // Духовно-нравственные ценности. Стратегия 24. 01.07.2022. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/azbuki-po-zhizni> (дата обращения: 10.05.2023).
18. Кудрин, А. Л. Новая модель роста для российской экономики / А. Л., Кудрин, Е. Т. Гурвич // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 4–36. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-12-4-36.
19. Губанов, С. С. Неиндустриальная модель развития и её системный алгоритм / С. С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 23–44. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.3.
20. Аганбегян, А. Г. Какой комплексный план до 2025 года нужен России? / А. Г. Аганбегян // Экономическая политика. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 8–29. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-4-01.
21. Аганбегян, А. Г. О драйверах социально-экономического роста / А. Г. Аганбегян // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 218, № 4. – С. 180–209.

22. Аганбегян, А. Г. Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту / А. Г. Аганбегян // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 237, № 5. – С. 310–362. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362.
23. Мау, В. А. Тренды экономической науки: дискуссии о путях российской модернизации XIX–XX веков / В. А. Мау // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 5(194). – С. 506–512. DOI: 10.1134/S1075700722050100.
24. Романов, Е. В. Какой капитализм нужен России?: методологические ориентиры «новой индустриализации» / Е. В. Романов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 90–108. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.5.
25. Гринберг, Р. С. 30 лет экономическим реформам в России (размышления над истоками и результатами) / Р. С. Гринберг // Социологические исследования. – 2022. – № 12. – С. 132–138. DOI: 10.31857/S013216250023757-5.
26. Бобков, В. Н. Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России / В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина, Е. В. Одинцова // Российский экономический журнал. – 2022. – № 1. – С. 78–107. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-1-78-107.
27. Некипелов, А. Д. Академическая наука в дискуссиях по ключевым вопросам экономического развития современной России / А. Д. Некипелов // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 5(194). – С. 21–32. DOI: 10.47711/0868-6351-194-21-32.
28. Колганов, А. И. Российская экономика: системный взгляд / А. И. Колганов, В. М. Кульков, К. А. Хубиев, Н. И. Титова // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2022. – № 3. – С. 3–21.
29. Балацкий, Е. В. Общественный договор в России: до и после 2022 года / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова // Journal of Institutional Studies. – 2022. – №3(14). – С. 74–90. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090.
30. Барашкова, О. В. Почему не стало СССР: уроки для социализма будущего / О. В. Барашкова, Е. С. Зотова // Социологические исследования. – 2021. – № 12. – С. 142–145. DOI: 10.31857/S013216250017137-3.
31. Цакаев, А. Х. Централизация государственного регулирования как основа перевода российской экономики на мобилизационные рельсы / А. Х. Цакаев // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 6. – С. 27–37. DOI: 10.47711/0868-6351-195-27-37.
32. Теняков, И. М. Альтернативы стагнации российской экономики: новый геополитэкономический контекст / И. М. Теняков, К. А. Хубиев, Д. Б. Эпштейн, А. В. Заздравных // Terra Economicus. – 2022. – № 2(20). – С. 40–58. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58.
33. Бодрунов, С. Д. Социализация экономики: приоритеты современного развития России / С. Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 238, № 6. – С. 80–87. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-80-87.
34. Балацкий, Е. В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций / Е. В. Балацкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3.
35. Сушко, П. Е. Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика / П. Е. Сушко // Социологические исследования. – 2022. – № 11. – С. 25–37. DOI: 10.31857/S013216250021403-6.
36. Трофимова, И. Н. Представления россиян о будущем страны: существует ли консенсус? / И. Н. Трофимова // Социологические исследования. – 2022. – № 10. – С. 37–48. DOI: 10.31857/S013216250020843-0.

37. Бессонова, О. Э. Влияние идеологии на выбор институциональной модели России: ретроспектива и прогноз / О. Э. Бессонова // Вопросы экономики.– 2023.– № 1. – С. 132–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-132-145.
38. Полтерович, В. М. Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада / В. М. Полтерович // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 238–244. DOI:10.31737/2221-2264-2022-55-3-17.
39. Гинс, Г. К. Современный капитализм и предстоящая эпоха (философия солидаризма) / Г. К. Гинс // Портрет солидаризма: Идеи и люди / сост. В. А. Сендеров. – М.: Посев, 2007. – С. 101–118.
40. Окара, А. Н. Солидаризм: забытая идеология XXI в. / А. Н. Окара // Политическая наука. – 2013.– № 4. – С. 146–155.
41. Волконский, В. А. «Конец капитализма» и структуры власти: экономика и политика / В. А. Волконский // Экономика современной России. – 2022.– № 2 (97). – С. 22–37. DOI: 10.33293/1609-1442-2022-2(97)-22-37.
42. Чэнь, Х. Причины распада Советского Союза: взгляды китайских обществоведов / Х. Чэнь, С. Гань // Социологические исследования. – 2022. – № 2.– С. 142–146. DOI: 10.31857/S013216250018499-1.
43. Система мер по восстановлению экономического роста в России / В. В. Ивантер, О. Д. Говтвань, М. С. Гусев [и др.] // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 1(166). – С. 3–9.
44. Вотчель, Л. М. Инновационный потенциал трансформационной экономики / Л. М. Вотчель, В. В. Викулина // Корпоративная экономика. – 2022. – № 1(29). – С. 42–48.
45. Пашинцев, Е. В. Классический марксизм и современная Россия / Е. В. Пашинцев // Свободная мысль. – 2022. – № 1(1691). – С. 170–183.
46. Ложникова, А. В. Массовая собственность работников компаний в контексте поиска путей «Великой перезагрузки» капитализма/ А. В. Ложникова, О. В. Куделина // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 532–546. DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.532-546.

References

1. Schleusener S. (2018) Political Disconnects: Donald Trump, the Cultural Left, and the Crisis of Neoliberalism. *Coils of the Serpent*, No. 2, pp. 20–34.
2. Duménil G., Lévy D. (2011) *The Crisis of Neoliberalism*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts London, England, 391 p.
3. Davies W. (2016). The new Neoliberalism. *New Left Review*. Vol. 101, pp. 121–134.
4. Hayek F.A. von. (1992). *Doroga k rabstvu [The Road to Serfdom]*. М.: Novoe izdatelstvo 2005, 264 p. (In Russ.).
5. Davies W. (2019). Chapter 2: What Is ‘Neo’ about Neoliberalism? In *Liberalism in Neoliberal Times* (1st ed.). URL: <https://goldsmithspress.pubpub.org/pub/o8rwmaje> (accessed: 10.05.2023).
6. Larner W. (2000) Neo-Liberalism: Policy, Ideology, Governmentality. *Studies in Political Economy*, Vol. 63, No.1, pp. 5–25. DOI:10.1080/19187033.2000.11675231.
7. Brenner N., Theodore N. (2002) Cities and the geographies of ‘actually existing neoliberalism’, *Antipode*, Vol. 34, No. 3, pp. 349–379.
8. McCarthy J., Prudham S. (2004) Neoliberal nature and the nature of neoliberalism. *Geoforum*, Vol. 35, pp. 275–283.

9. Jessop B. (2012). Neoliberalism. In: G. Ritzer (ed.). *The Wiley–Blackwell encyclopedia of globalization*, pp. 1513–1521.
10. Ramey J. (2015) Neoliberalism as a political theology of chance: the politics of divination. *Palgrave Commun*, No. 1, 15039. URL: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2015.39> (accessed: 10.05.2023).
11. Monbiot G. (2016). Neoliberalism – the ideology at the root of all our problems. *The Guardian*, Apr. 15. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/apr/15/neoliberalism-ideology-problem-george-monbiot> (accessed: 10.05.2023).
12. Santone S. (2019) Neoliberalism in Education: What you need to know, May 21. URL: <https://www.susansantone.com/master-blog/2019/5/21/neoliberalism-in-education-what-you-need-to-know> (accessed: 10.05.2023).
13. O’Conner J. (2002). From welfare rights to welfare fights: Neo-liberalism and the retrenchment of social provision. Unpublished master thesis, University of Massachusetts Amherst, Amherst, Mass., United States. URL: <https://scholarworks.umass.edu/dissertations/AAI3056266> (accessed: 10.05.2023).
14. Smith N. (1996). *The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City*. New York, Routledge, London. URL: https://rimediacoop.org/wp-content/uploads/2017/05/Neil-Smith_The_New_Urban_Frontier_Gentrification_and_the_Revanchist_City.pdf (accessed: 10.05.2023).
15. MacLeod G. (2002) From urban entrepreneurialism to a “revanchist city”? On the spatial injustices of Glasgow’s renaissance. *Antipode*, Vol. 34, No.3, pp. 602–624.
16. Davies B., Bansel P. (2007) Neoliberalism and Education. *International Journal of Qualitative Studies in Education*, Vol. 20, No. 3, pp. 247–259. DOI: 10.1080/09518390701281751.
17. Safiollin A. (2022) Az, buki, vedi po zhizni. Sistema upravleniya gosudarstvom. Duhovno-nravstvennye cennosti [Az, buki, lead through life. The system of government. Spiritual and moral values] *Strategy* 24. 01.07.2022. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/azbuki-po-zhizni> (accessed: 10.05.2023).
18. Kudrin A., Gurvich E. (2014) Novaya model’ rosta dlya rossijskoj ekonomiki [A New Growth Model for the Russian Economy]. *Voprosy Ekonomiki* [Economic issues], No.12, pp. 4–36. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-12-4-36 (In Russ.).
19. Gubanov S. S. (2014) Neoindustrial’naya model’ razvitiya i eyo sistemnyj algoritm [Neo-industrial development model and its system algorithm]. *Ekonomicheskie i social’nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 33, No. 3, pp. 23–44. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.3 (In Russ.).
20. Aganbegyan A. G. (2017) Kakoj kompleksnyj plan do 2025 goda nuzhen Rossii? [What Package Plan up to 2025 does Russia need?] *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], Vol.12, No. 4. pp. 8–29. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-4-01 (In Russ.).
21. Aganbegyan A. G. (2019) O drajverah social’no-ekonomicheskogo rosta [Drivers of socio-economic growth]. *Nauchnye trudy Vol’nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], Vol. 218, No.4, pp. 180–209. (In Russ.).
22. Aganbegyan A. G. (2022) Rossiya: ot stagnacii k ustojchivomu social’no-ekonomicheskomu rostu [Russia: from stagnation to sustainable socio-economic growth]. *Nauchnye trudy Vol’nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], Vol. 237, No.5, pp. 310–362. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362. (In Russ.).
23. Mau V. A. (2022) Trendy ehkonomicheskoy nauki diskussii o putyah rossijskoj modernizacii XIX XX vekov [Trends in Economic Science: Discussions of the Paths of Russian Modernization in the 19th–20th Centuries]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], Vol. 33, No. 5, pp. 506–512. DOI: 10.1134/S1075700722050100. (In Russ.).

24. Romanov E. V. (2017) *Kakoj kapitalizm nuzhen Rossii?: metodologicheskie orientiry «novoj industrializacii»* [What Capitalism Does Russia Need?: Methodological Guidelines of the “New Industrialization”]. *Ekonomicheskie i social’nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 10, No. 2, pp. 90–108. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.5 (In Russ.).

25. Grinberg R. S. (2022) *30 let ekonomicheskim reformam v Rossii (razmyshleniya nad istokami i rezul’tatami)* [30 Years of Economic Reforms in Russia (reflections on the origins and results)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No. 12, pp. 132–138. DOI: 10.31857/S013216250023757-5 (In Russ.).

26. Bobkov V. N., Gulyukina A. A., Odintsova E. V. (2022). *Social’nye posledstviya tridcati let kapitalisticheskikh reform v Rossii* [Social consequences of thirty years of capitalist reforms in Russia]. *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal], No. 1, pp. 78–107. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-1-78-107. (In Russ.).

27. Nekipelov A. D. (2022) *Akademicheskaya nauka v diskussiyah po klyuchevym voprosam ekonomicheskogo razvitiya sovremennoj Rossii* [Academic Science in Discussions on Key Issues of Economic Development in Modern Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], Vol. 33, No. 5. pp. 480–487. DOI: 10.47711/0868-6351-194-21-32. (In Russ.).

28. Kolganov A. I., Kulkov V. M., Khubiev K. A., Titova N. I. (2022) *Rossijskaya ekonomika: sistemnyj vzglyad* [Russian Economy: a systematic view]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics], No. 3, pp. 3–21. (In Russ.).

29. Balatsky E. V., Ekimova N. A. (2022). *Obshchestvennyj dogovor v Rossii: do i posle 2022 goda* [Social contract in Russia: Before and after 2022]. *Journal of Institutional Studies*, Vol. 14, No. 3, pp. 74–90. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090 (in Russ.).

30. Barashkova O. V., Zotova E. S. (2021) *Pochemu ne stalo SSSR: uroki dlya socializma budushchego* [Why the USSR did not Become: Lessons for Socialism of the Future]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No 12, pp. 142–145. DOI: 10.31857/S013216250017137-3 (in Russ.).

31. Tsakaev A. Kh. (2022). *Centralizaciya gosudarstvennogo regulirovaniya kak osnova perevoda rossijskoj ekonomiki na mobilizacionnye rel’sy* [Centralization of Government Control as a Basis for the Transition to the Mobilization Model of the Russian Economy]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], Vol. 33, No. 6, pp. 598–604. DOI: 10.47711/0868-6351-195-27-37. (In Russ.).

32. Tenyakov I. M., Khubiev K. A., Epstein D. B., Zazdravnykh A. V. (2022). *Al’ternativy stagnacii rossijskoj ekonomiki: novyj geopolitekonomicheskij kontekst* [Stagnation in Russia in geopolitical and economic contexts: New alternatives]. *Terra Economicus*, Vol. 20, No. 2. pp. 40–58. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58 (in Russ.).

33. Bodrunov S. D. (2022) *Socializaciya ekonomiki: priority sovremennogo razvitiya Rossii* [Socialization of the economy: priorities of modern development of Russia]. *Nauchnye trudy Vol’nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Free Economic Society of Russia], Vol. 238, No. 6, pp. 80–87. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-80-87 (In Russ.).

34. Balatsky E. V. (2022). *Rossiya v epicentre geopoliticheskoy turbulentsnosti: gibridnaya vojna civilizacij* [Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: The hybrid war of civilizations]. *Ekonomicheskie i social’nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 15, No. 6, pp. 52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3 (In Russ.).

35. Sushko P. E. (2022) Predstavleniya rossiyan o putyah razvitiya Rossii: rasprostranennost' i specifika [Russians' Ideas about Possible Ways of Russia's Development: Prevalence and Specificity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No. 11, pp. 25–37. DOI: 10.31857/S013216250021403-6 (In Russ.).
36. Trofimova I. N. (2022) Predstavleniya rossiyan o budushchem strany: sushchestvuet li konsensus? [Russians' Ideas about the Future of the Country: is there a Consensus?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No. 10, pp. 37–48. DOI: 10.31857/S013216250020843-0 (In Russ.).
37. Bessonova O. E. Vliyanie-ideologii-na-vybor-institucionalnoj-modeli-rossii-retrospektiva-i-prognoz The influence of ideology on the choice of Russia's institutional model: Retrospective and forecast. *Voprosy Ekonomiki* [Economic issues], 2023, No. 1, pp. 132–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-132-145 (In Russ.).
38. Polterovich V. M. (2022). Once again about where to go: Toward a development strategy in isolation from the West. *Zhurnal-novoj-ehkonomicheskoy-associacii* Journal of the New Economic Association, Vol. 55, No. 3, pp. 238–244. DOI:10.31737/2221-2264-2022-55-3-17 (In Russ.).
39. Gins G. K. (2007) *Sovremennyy-kapitalizm-i-predstoyashchaya-ehpoha-filosofiya-solidarizma* [Modern capitalism and the coming Era (philosophy of solidarism)]. *Portret solidarizma Idei i lyudi* [Portrait of Solidarism: Ideas and People]/ Comp. V.A. Senderov. M.: Posev, pp. 101–118. (In Russ.).
40. Okara A. N. (2013) *Solidarizm zabytaya ideologiya XXI v* [Solidarism: the forgotten ideology of the XXI century]. *Politicheskaya nauka* [Political science], No. 4, pp. 146–155. (In Russ.).
41. Volkonsky V. A. (2022). «Конец капитализма» и структуры власти: экономика и политика [«The End of Capitalism» and power structures: Economics and Politics]. *Ekonomika sovremennoj Rossii* [Economics of Contemporary Russia], Vol. 97, No. 2, pp. 22–37. DOI: 10.33293/1609-1442-2022-2(97)-22-37 (In Russ.).
42. Chen H., Gan X. (2022) *Prichiny raspada Sovetskogo Soyuza vzglyady kitajskih obshchestvovedov* [The Reasons of the USSR Collapse: Views of Chinese Social Scholars]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No 2. P. 142–146. DOI: 10.31857/S013216250018499-1 (In Russ.).
43. Ivanter V. V., Govtvan' O. D., Gusev M. S., Ksenofontov M. Y., Kuvalin D. B., Moiseev A. K., Porfiryev B. N., Semikashev V. V., Uzyakov M. N., Shirov A. A. (2018) *Sistema mer po vosstanovleniyu ehkonomicheskogo rosta v Rossii* [The system of measures to recovery of economic growth in Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], Vol. 166, No.1, pp. 3–9. (In Russ.).
44. Votchel L. M., Vikulina V. V. (2022) *Innovacionnyj potencial transformacionnoj ehkonomiki* [Innovative potential of the transformational economy]. *Korporativnaya ekonomika* [Corporate economy], Vol. 29, No. 1, pp. 42–48. (In Russ.).
45. Pashintsev E. V. (2022) *Klassicheskij marksizm i sovremennaya Rossiya* [Classical Marxism and modern Russia]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], Vol. 1691, No. 1, pp. 170–183. (In Russ.).
46. Lozhnikova A. V., Kudelina O. V. (2022) *Massovaya sobstvennost rabotnikov kompanij v kontekste poiska putej «Velikoj Perezagruzki» kapitalizma* [Broad-based Employee Ownership in Great Reset of capitalism]. *MIR (Modernizaciya, Innovacii, Razvitie)* [MIR (Modernization. Innovation. Research)], Vol. 13, No. 3, pp. 532–546. DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.532-546. (In Russ.).

E. V. Romanov¹³. Value Foundations of Russian Economic Development Strategy. The blurring of the boundaries between the “right” (neoliberal) and “left” ideology in the countries of the “collective West” has led to the fact that the left movement, which traditionally defended the interests of the exploited, ceases to be an expression of these interests. Under the influence of neoliberal ideas, the mainstream of left-liberal discourse consists of issues of identity, the fight against racism, sexism and homophobia. Since Russian economic reforms have been based on neoliberal ideas for quite a long time, the crisis of neoliberalism recognized abroad actualizes the search for new foundations for Russia’s economic development strategy. The article proves that traditional Russian spiritual and moral values should become such a foundation, and the leading imperative is the socialization of the economy. The principle of social solidarity (solidarism) enshrined in the Constitution of Russia is consistent with the basic Russian traditional spiritual and moral values: the priority of the spiritual over the material, collectivism, humanism, justice, unity of the peoples of Russia, historical memory and the continuity of generations. Accordingly, the ideology of socio-economic development of the country should be based on them. The specifics of the “new” Russian NEP (new economic policy) are described.

Keywords: neoliberalism, traditional spiritual and moral values, imperative of the development strategy, ideology of modernization.

¹³ *Evgeny V. Romanov*, Professor, Professor of the Department of Management, Institute of Economics and Management, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Lenin Av., Magnitogorsk, 455000, Russia), Doctor of Pedagogical Sciences, e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru